

Myronova, Halyna

**К вопросу о сравнительно-типологическом исследовании
славянских языков**

*Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada
jazykovědná.* 2001, vol. 50, iss. A49, pp. [87]-105

ISBN 80-210-2600-6

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101768>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
provides access to digitized documents strictly for personal use, unless
otherwise specified.

ГАЛИНА МИРОНОВА

К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Сравнительный анализ словообразовательных систем славянских языков способствует уточнению и углублению представлений о деривационном механизме, его ономаσιологической и семантической природе в каждом из языков. Общая проблематика сравнительного изучения словообразования, намеченная И. Лековым и М. Докулилом, получила дальнейшее освещение в материалах IX Международного съезда славистов, работах В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, Ю. Балтовой, О. С. Кубряковой, З. М. Волоцкой и других (IX Меж. съезд; Сопос. изуч.). Инновационными в этом плане явились также исследования украинских ученых, предложивших рассматривать подсистемы языка в сопоставительно-типологическом аспекте, позволяющем обеспечить «наиболее общее понимание сущности языка как знаковой системы», ибо именно такой подход способствует «определению и его (языка – Г.М.) инвариантных свойств и возможных вариантов их проявления по отдельным языкам» (Ист. типология, 3). В связи с этим одной из перспективных и актуальных проблем является сравнительно-типологическое исследование смысловой структуры компонентов анализируемых единиц и деривационно-номинативного процесса в различных языках.

Известно, что важнейшей чертой человеческой психики является ее апперцептивный характер, т. е. зависимость восприятия, осмысления новых предметов и явлений окружающей действительности от уже имеющихся накопленных опыта и знаний. Именно благодаря конкретному опыту личности, каждое новое воздействие мира приобретает особый смысл, каждый новый предмет или явление, отраженные сознанием, включаются в систему ассоциаций воспринимающего субъекта (ФЭС, 32). Из всех возникающих ассоциаций номинатор «выбирает» самые важные, которые, в конечном счете, лягут в основу будущего названия. В связи с вышесказанным особую значимость приобретает гипотеза о существовании так называемого языкового сознания или особого

лингвокреативного мышления, которое «с одной стороны, отражает окружающую человека действительность, а с другой, ... самым тесным образом связано с наличными ресурсами языка» (Блинова, 56; Серебренников, 106; Кубрякова, 94–95). Предполагается, что лексическое значение новообразованного слова только тогда усваивается семантической системой конкретного языка, когда оно органически вытекает из самого языка, а его «соотносительные» свойства сливаются с аналогичными свойствами существующих в языке слов. Отсюда, объём информации нового понятия, специфика значения нового слова (языкового знака) уже изначально содержат в себе достижения предыдущего развития познавательной деятельности общества и семантической системы данного языка, ибо «внеязыковые и языковые импульсы влияют на лексическую единицу не прямо, а через сеть отношений, в которые она вступает благодаря своим формальным и семантическим свойствам» (Бланар, 3). Семантическая мотивированность, как совокупность дифференциальных семантических признаков, которые лежат в основе обозначения объектов внеязыковой действительности лексическими единицами языка, является своеобразным способом реализации концептуального освоения окружающего мира человеком, его мировидения.

Исследование терминологических систем восточнославянской народной культуры (анализировались, в частности, архитектурно-строительная номенклатура, названия одежды и обуви, а также утвари, т. е. номены, отражающие реалии, являющиеся наиболее существенными, жизненно необходимыми для человека) свидетельствует о том, что появление и функционирование значительного большинства их составляющих обусловлено не только явлениями самой действительности, но и возможностями языка (этого акта народного творчества и продукта коллективного интеллектуального сознания) фиксировать, упорядочивать, систематизировать человеческие представления.

При сопоставительном изучении словообразовательных подсистем современных литературных языков рекомендуется учитывать только продуктивные форманты, поскольку именно они характеризуют и реализуют деривационные потенции языка, особенно актуальным также является сопоставительное изучение деривационных типов, по которым образуются слова различных частей речи и которые различаются признаком продуктивности/непродуктивности (Русская грамматика, 13). Обработка указанного, достаточно объемного материала позволила выявить некоторые общие тенденции номинации и семантической мотивации в названных областях. Так, в частности, было определено, что наиболее стимулирующим общим мотивом деривации терминов народной культуры восточных славян является функциональное назначение, использование реалии:

арх-стр. - **рус.** *мельница* «баня», *покрывина* «движущаяся кровля», *прикры(и)вина* «навес у задней стены двора или дома; пристройка, навес у овина, риги», *светёлка*, *т(е,я)плюшка* «утеплённый рубленый хлевок,

помещение для мелкого скота»; *дровеница, дровник* «навес, сарай для хранения дров»; *лежанка* «верх большой русской печи», *зимовье, зимогон* «зимнее тёплое жильё для скота»; *мя(и)кинн(ль)ица, месильница, хлебница, хлебная* «хозяйственная пекарня»; *сенник, сельник, сушило* «постройка для хранения половы, соломы, мякины»; *стойка, стойло* «отгороженное место для коровы под дверным навесом», *водогрейка* «небольшое помещение, где нагревают воду для животных»; *дымоволок* «окно», *просвитки* «окошечко в подвале»; *продуха, ветренница, окно-светёлка; слуховое, смотрильное, вытяжное, дымовое, боевое, стрельное* окно; *всходцы* «ступеньки лестницы», *выходок* «пристройка к избе с отдельным ходом», *дымник* «вытяжная деревянная труба», *бузья* «помещение для варки бузы», *подкаретник, ледник; укр. варий(л)ка* «помещение, в котором готовят корм», *котлівниці* «ниши в основе печи», *бретяница* «медуша, место для хранения мёда и других напитков», *вывод* «кирпичный дымоход»; *колешині* «сарай для возов», *дійло, дійка, дійнарка* «загородка, где доят коров»; *древоруб, дровітень* «навес, сарай для хранения и заготовки дров»; *пастирка, зимівка, зимовник, зимовище, зимарка* «зимняя хата на горных пастбищах без печи; чёрная изба; помещение для пастухов, а также для содержания скота», *зимовик* «погреб, куда на зиму ставят ульи с пчёлами», *зимовник* «зимнее жилище запорожца вне Сечи (ист.)», *молошник* «сарай, погреб для хранения молочных продуктов»; *лазиво* «лестница», *житло, житлик* «домик»; *окотник* «место для окота овец»; *всипище, підсобійка, козарка, брама; бел. дрывасек, дрывальник, дрыўнік, дровітка* «помещение, где рубят и складывают дрова», *мякіннік* «засек для мякины», *засада* «клетка для свиней», *ляднік, лядоўнік* «яма в погребе»; *походунка* «погреб для картофеля»; *калошнік, калошанка* «хлев, помещение для дров», *сушылка, сянніца; кладовая, кладоўка, складоўка, спрат* «кладовка», *курчына; сажально* окно, *ветранік, душник, продуха* «название окон» и многие другие.

Во всех анализируемых языках (как и в подавляющем большинстве славянских языков) среди названий помещений и вместилищ значительное место занимают лексемы, образованные по унаследованному из праславянского языка деривативному типу с суффиксом *-ня*: *рус. мыльня* «баня»; *возовня, завозня* «сарай, навес для хранения телег, саней»; *варевня, (по)варня* «очаг для приготовления пищи»; *пекарня, хлебня* «хозяйственная пекарня»; *молотильня* «постройка для хранения половы, соломы, мякины»; *укр. варня, варевня* «помещение, в котором готовят корм»; *важня* «помещение для весов на торговой площади»; *возовня* «сарай для возов»; *возоробня* «сарай, в котором делают возы», *гартівня* «печь для обжига кирпича»; *гончарня, горшечня* «завод, изготавливающий горшки»; *дре(и)ві(о)тня, дроварня* «навес, сарай для хранения и заготовки дров»; *зимівня* «зимняя хата на горных пастбищах без печи»; *димарня* «коптильня»; *хомутарня* «помещение для сельскохозяйственного инвентаря»; *чабарня* «помещение для пастухов; загородки и хлевы для овец»; *січкарня, сінарня, солеварня, ледовня; бел. ваза(о)ўня* «по-

мещение для санок и хозяйственных принадлежностей»; *абозня* «холодное помещение для саней»; *дроўня, дрывотня, дрывотня* «помещение, где рубят и складывают дрова»; *варивня, варуня, варымня* «место для складирования овощей»; *варыўня* «хозяйственный погреб»; *ёўня* «строение для сушки хлеба»; *лядоўня* «яма, погреб»; *калашня* «пристройка к сням»; *коло(э)шня* «хлев»; *палоўня, палуня* «хозяйственное строение»; *стайня* «конюшня»; *сушня, сушальня, сушарня, сухмельня* «помещение, в котором сушат и трут лён» и др.

В словообразовательном классе номенов строений и помещений для скота и птицы, передающих конкретное функциональное назначение реалий, широко используются суффиксальные образования от соответствующих названий отдельных видов скота и птицы, большинство из которых созданы по общим моделям и с помощью соотносительных деривационных компонентов: **рус.** *лошадник, лошадыря; конюшня; овечник, овчарник, овчарница, овчарня, овчарка; свинарник, свинух; поросятник; коровник, коровня, коровятник; телятник; курятник, курец, курник; укр.* *коров'ярка, коров'ярня; воловня; конюшня, (гуцульское) кінник; ягнятник, янчарка; телятник; ялі(о)вник, елівник, елочер, ялова загорода; свинюшник, свинарня, свининець; бел.* *аўчарнік; свінчык, свінюшнік, свінінец, свіятнік, свіненчык, свіннух; в(а)олоўнік; куратнік, курчына; кандэюшнік* и много других.

В значительном количестве лексических единицах соответствующих номенклатур отразилось функциональное назначение реалий одежды и утвари:

названия одежды – **рус.** *босики, босови(ч)ки, босоноги* «обувь для покойника»; *бродаки* «высокие сапоги с голенищами выше колена»; *горевая кичка* «головной убор вдовы»; *оболочка* «верхняя мужская одежда»; *вылюдник* «лучшая одежда, в которой ходят в гости, на гулянье; праздничная одежда»; *выходицы* «ежедневная обувь»; *выставка* «верхняя часть рубахи»; *грейка* «верхняя мужская одежда без рукавов»; *волосник, косник* «головной убор»; *зап(а)он* «фартук»; *надолонки, перстянки, рукавки* «перчатки, рукавицы»; *накулач(ш)ник* «вид особого покрытия, которое надевают на кисть руки, чтобы не поцарапать ее, когда собирают лекарственные травы и корни, в виде перчатки и с голой ладонью»; *обыга, обыгало, обыгутка* «верхняя одежда, дождевик, шуба»; *огибка* «женское покрывало, фата»; *летник, холодник, грейка* «верхняя мужская одежда»; **укр.** *завіска* «фартук»; *зимогрій* «шуба»; *обгортка, обпінка* «женская одежда, используемая вместо юбки»; *напиначка* «большой шерстяной платок»; *запонка, запона, (г)опінка, припон, обгортка, горботка, гобортка* (с метатезами) «фартук»; **бел.** *напільнік* «плащ»; *запанка* «фартук»; *цяплюшка* «кожушок»; *наручнікі* «рукавицы без пальцев»; *дамавікі* «самодельная домашняя обувь»; *душагрэйка* «безрукавка»; *падзеўка* «короткая, тёплая верхняя одежда»; *надкоснік* «чепец»; *осёнка* «демипальто»; *летнік* «лёгкий пиджак»;

утварь - **рус.** *молочник, дойник* «посуда для молока»; *мойка* «таз или

корзина, в которых моют посуду, картофель», *доёнка* «специальное деревянное ведро, в которое доят коров», *ложечник* «специальный ящик для ложек, вилок», *уксусница*, *перешница*, *солоница*, *росольник* «столовая посуда»; *укр. заглядальник* «зеркало», *варінча*, *варийка*, *варівник*, *варійник*, *варінник* «горшок», *мазальник* «горшок, в котором находится белая глина для побелки», *виновка* «бочка для вина», *водянка* «дежа», *кашник* «горшок для каши», *бабник* «горшок для выпекания бабки», *жаровня* «сковорода» (буковинское), *збойниця* «маслобойка», *коптур* «бочка без дна для копчения мяса, сала» (буковинское), *питун(чик)* «глиняный кувшин для питья воды; небольшой горшок», *зу(о)льник* «посудина, в которой золят белье», *мамалижник* «посуда, в которой варят мамалыгу» (буковинское), *липовка* «посудина для липового меда», *вареха* «половник»; *бел. улійныця* «посуда для «олив» - растительного масла», *падойніца* «подойник», *присесць* «скамья для сиденья»; *оттягачка*, *настойніца* «посудина для отстаивания молока»; *надзяжнік*, *дзяжнічок* «полотно, которым накрывают хлебную дежу», *цапалкі* «вилы, которыми вынимают горшки из печи»; *цапальник*, *чапельнік*, *чаплейка* «т. ж.», *абеднік* «горшок для приготовления еды»; *уціральник*, *у(с)цірка* «полотенце, которым вытирают посуду или руки»; *ручнік*, *рушнік* «полотенце», *рушнік* «полотенце на иконы»; *макотра*, *цёрла*, *мялкі*, *мялачкі* «посуда для приготовления картофельного пюре из вареного картофеля» и много других.

Собранный материал свидетельствует о том, что реализация основного мотивационного признака (МП) может быть различной. Так, определенным изофункционализмом реалий (если исходить из первоначального назначения одежды и жилища – «оболочка, защита человека»), который привел к ассоциативному осмыслению явлений и установлению рациональной связи между «обозначающим» и «обозначаемым», можно объяснить существование формального совпадения слов в разных терминосистемах как одного языка, так и нескольких (в частности, архитектурно-строительной и одежды): *укр. плахта* «дощатый щит в раме крыла ветряка; в одном крыле три таких щита», «разновидность женской одежды»; *рус. летник* «верхняя мужская одежда», *укр. – бел. літнік* «летнее пальто», *укр.* «летнее жилище»; *рус. перед* «передняя»; *ср. укр. передник* «передняя, фартук», *блр. п(ь,я)рыдняк* «фартук», *рус. передник* «фартук», *бел. перэдыне* «хлев для домашних животных», *заперад* «фронтон»; *рус. (ярославское) пуня* «шуба», «сарай»; *пола* «часть одежды», «занавеска», «пристройка ко двору, которая состоит из кровли на четырех столбах для хозяйственных целей; крыша над двором, являющаяся продолжением крыши дома; это бывает в том случае, когда двор пристраивается сбоку дома, а не сзади его; занавеска у окна»; *укр.* «пола одежды»; *рус. т(я,е)плюшка* «хлевчик» и *бел. цяплюшка* «кожущок»; *подшивина* «доска, спускающаяся с конька двускатной крыши», *подшив* «карниз у дома или нижняя часть карниза, застреха»; «подшивка, подгиб у платья, юбки»; *рус. лата* «толстая жердь, обрешётка для

травяной кровли», ср. (историческое) *латы* «название воинского снаряжения» и др.

Общий мотив номинации проявляется в отглагольных образованиях разных тематических групп: **рус.** *ходник* «подстилка, дорожка»; **укр.** *топанки* «обувь», *ходаки* «постолы» и **бел.** *ходнік* «т. ж.», **укр.** *варня* «специальное помещение для приготовления пищи» и *варінча* «небольшой горшок», **рус.** *варёха* «ложка».

Синонимия мотивированных основ, заложенная в отглагольных названиях головных уборов (номены иллюстрируют способ ношения реалий), является объединяющим мотивом у **рус.** *оповойник*, *окрутник*, *перевязник*; ср. **бел.** *укрутованка*, *объязанка*, *округванка*, *охьялянка*; **укр.** *об(за)матанка*, *окручванка*, **бел.** *напынка*, *опінка*, *аб(а)піна(л,н)ка*, *обпіначка*, *(о,у)пенка*, *запанка*, ср. также *напальок* «часть рукавицы, надеваемая на палец». Аналогично осознается функциональная близость реалий в названиях обуви: **рус.** *ступни* «обувь», *выступки* «разновидность женских башмаков», *выходцы* «ежедневная обувь для выхода на двор» и **укр.** *ходаки*, *топанки* «разновидность обуви».

Значительное число примеров анализируемых номенклатур сформировано под влиянием конструкции / способа изготовления предмета (вещи):

арх-стр. - **рус.** *изба-двойня* «два сруба под одной крышей»; *мазанка* «изба из глины; каркасная изба; род амбара, клетки, хлева; строение для хранения зерна», *платнушка* «постройка из плетня», *протяжной дом* «связевой и двухкомнатный дом», *одноколок* «крестьянский дом с тремя окнами на лицевой стороне»; *связевой дом* «дом из двух комнат, между которыми сени»; *однодворок* «дом с двором, садом, огородом»; *окончатая изба*; *одножирная*, *двужира*, *двужилая* (количество этажей); *двойни*, *тройни* «изба из двух/трёх комнат; изба и горница», *пятистенок* «две избы рядом; стена в пятистенном доме»; *пятистенок (-ка)*, *пятьерня* «дом с пятью окнами»; *подпятистенок* «помещение для телят, поросят»; *закладни* «фундамент основания постройки», *зарубец* «небольшой бревенчатый хлев», *вырезки* «узоры на наличниках крыш, саней, занавесках, полотенцах», *полустенок* «деревянный дом, разделенный перегородкой на две комнаты»; *обгородка*, *обгородь* «изгородь», *облика*, *облипок* «дверная или оконная рама, косяк», *облипы* «оконная коробка», *дубельта* «двойные оконные рамы; вторая рама, вставка на зиму»; *одинарное*, *двойное*, *растворное*, *распашное*, *створчатое*, *здвижное*, *отдвижное*, *колодчатое*, *волоковое окно*; *тройник*, **рус.** и **укр.** *пятистенка* (название отражает усложнение плана двухкамерного дома за счёт выделения жилой комнаты в сенцах – теплушки); **укр.** *двояки*, *чвораки* «объединение двух или даже четырёх однокамерных жилищ, поставленных рядом» (встречается преимущественно у польского населения на Подолье); *падво(і)йкі* «двойные окна»; *ліплянка*, *ліп'янка*, *ліп-линка* «глиняная хата»; *суцельна хата*, *перебуойка* «одна из трех отделенных частей жилища», *пиреруб* «закром для снопов возле тока, овина, гумна, риги», *одностулкове*, *глухе*, *засувне вікно*; *вікнастий будинок*

«дом, в котором много окон», *прибік* «пристройка», *притула*, *причена*, *прибока* «пристройка за счёт продления склонов крыши», [*дымйанка*] «курная изба», *бел. притула*, *прыдзел(ак)*, *прыруб* «пристройка к дому», *перасыпанка* «отремонтированный дом», *притычка*, *притула* «достроенная комната», *адлётак* «пристройка», *трысценнік*, *трысценнічак*, *падвойкі* «двойные окна»; *лепанка*, *лыплянка* «мазанка, глинобитная хата», *лепень*, *ляпленка* «лёгкое строение из глины и соломы»;

названия одежды - *рус. выбийка* «бумажная или холщевая ткань», *завивалки* «крестьянская обувь», *завои* «онучи», *боршни*, *борсни* «кожаные лапти», *невороть* «одежда, которую еще не лицевали», *недошубок* «короткая шуба», *одностан(ка)* «женская сорочка», *растегай* «верхняя одежда», *притачки*, *пришвы*, *пришитки* «обувь», *однопалки* «рукавицы с двумя отделениями для большого и указательного пальцев», *надолонка* «рабочая рукавица с кожаной нашивкой» (архангельское, вологодское, пермское, тверское) *крашенинник* «верхняя одежда»; *бел. клёшкі* «клёшная одежда», *валёнка* «валяная шапка», *ср. валянка* «большой шерстяной платок», *домоткан* «юбка», *тканка* «платок», *вяз(ё,я)нки*, «рукавицы», (*ср. рус. в(е,я)з(а,е,я)ницы*, *везё(о)нки* «т. ж.», *валежки*, *обшивки*, *плетёнки* «т. ж.»), *галапліечка* «женская рубашка на тонких бретелях», *катанка* «валянки; мужской пиджак из самодельного сукна» (*ср. укр. катанка* «юбка из самодельного сукна» и *рус.* «верхняя одежда», *катанки* «рукавицы»), *балахон* «неумело сшитая и длинная одежда», *адразні боты* «обувь с отрезным голенищем»; *укр. підбитеньяк* «верхняя женская гуцульская одежда», *підточиця* «женская рубашка особого кроя», *підбіяк* «длинный армяк на овчине», *пацяганка* «мужской кожух, покрытый тканью», *нагольне пальто* «демисезонное пальто», *морцінка* «верхняя женская сорочка, густо собранная около шеи» (*ср. укр. морщина(и)*, *моршині*, *рус. морщины* «вид обуви») и много других.

Названия **утвари** также в достаточной степени фиксируют в себе наличие МП **конструкция, способ изготовления**: *рус. лежка*, *лежатка* «разновидность бочки», *рогач* «вилы», *решётка* «посуда», *дводённик* «посуда для жидкостей»; *укр. двійнята* «деревянные двойные посудины, соединенные сверху одним ушком», *кадіб* «выдолбанная бочка», *ребрак(чка)* «рубель», *дирковниця* «дуршлаг» (буковинское), *рогач(ка)*, *плетенник* «обплетенный лозою бутыль», *носатка* «деревянная посудина (или кувшин) для воды» (полесское), (*ср. бел. носатка* «разновидность ковша с носиком» и *ушацік* «т. ж.»), *бел. самабранка* «домотканная скатерть», *махрач* «скатерть или полотенце с кистями», *ручнік* «жбан или кувшин с ручкой (ушком)», *оплетанка*, *пляцёнка* «бутель, сулея» и др.

Значительное количество номенов всех трёх анализированных групп обусловлено **названием материала**, из которого изготавливались реалии. Так, в **архитектурно-строительной** номенклатуре обнаруживаем **украинские** названия различных типов ограды: *диловання*, *диль*; *дільниця* «ограда из поломанных бурей деревьев», *дінниця*; *вір*, *завірки* «ограда из жердей, частокол», *ві(о)р'я* «жерди, колья, частокол», *воряка*, *опине*

«т.ж.», *вориння* «колья, частокол, ограда из горизонтальных жердей», (лемковское) *завірки*, (полесское и черниговское) *завор*; *воринок* «ограда, загородка», *завора* «колок, которым запирают ворота», *завориння* «ворота» (ср. еще **рус.** *вор* «частокол», *воры* «колья, палки», *варок* «двор для скота», *варинка*, *ворки*, *ворок* «загон для скота», а также **бел.** *вор* «хлев»), *частокіл*, *острокіл*; *жартє* (волынские говоры); *лозниця* «специальная постройка для сушки фруктов»; *зе(и)млянка*; *кам'яниця*, *каміниця*, *мур* «дом из кирпича, каменный дом, строение», *мурованка* «каменный колодец»; **бел.** *лазянка* «жилище из лозы; ограда», *жэрдкі*, *жерденка* «ограда», **рус.** *платнушка* «строение из забора», *ольшанник* «невысокий деревянный сруб, обнесенный плетёной стеной»; *мишаник*, *омшаник*, *мишонка* «дом, проконопаченный мхом», *омшаник* «погреб», *острокол* «ограда» и др.

Этот же признак явился продуктивным стимулом при образовании названий утвари: **рус.** *берестень* «кувшин, плетеная посуда», *кореник*, *коренавка* «сплетенная из деревянных кореньев чашка или корзина», *дошник*, *дощак* «посуда для погребца»; **укр.** *мідниця* «медный таз», *склянка*, *фарфурка* «тарелка», *чавун*, *дерев'янка* «выдолбленная из дерева посуда», *корка* «деревянная посуда для воды»; **бел.** *палацёнка*, *пняньковік*, *шаўковік* «полотенце», *шкальнік* «стеклянная банка», *бераццень* «посуда из бересты». Во всех восточнославянских языках находим соответствия: **рус.** *бляшанка* «жестяная банка, кружка»; **укр.** *бляшанка* «кварта для воды», **бел.** *бляшанка*, *бляхан* «банка, канистра для отстаивания молока»; **рус.** *лубянка* «цилиндрическая посуда для хранения зерна, муки, крупы»; **укр.** *лубка* «выдолбленная деревянная солонка»; **бел.** *лубка*, *лубянка* «лубяная коробка»; украинско-белорусские параллели: **укр.** *корець*; **бел.** *корэц* «посуда для воды»; украинско-русско-белорусские: **укр.** *глек*, *гличик*, **рус.** *глёк*, *гличик*, *глейчик*, *гилё(е)к*, **бел.** *гляк* и др.

Значительное количество наименований народной одежды и обуви, объединенное вокруг мотивационного признака материал, свидетельствует о том, что для восточных славян ткань или другой материал, из которых изготавливались реалии, играли значительную роль, будучи одновременно ярким показателем материального благосостояния, а отсюда – и социального статуса хозяина: **рус.** *лисьяк* «зимнее пальто на меху», *китайник* «сарафан», *кумашник* «т. ж.», *сукман*, *суконник*, *сукник* «верхняя одежда», *холицевица* «т. ж.»; *кожанка* «кожаная куртка или пальто» (как заимствование из рус. существует и в **укр.** яз.); *лычники*, *волосяники*, *берестяники* «разновидности обуви», *атласка* «большой шелковый платок»; *ватники*, *шерстянки*, *холстянки*, *ветошницы*, *замшанки*, *собаченицы*, *лосинки*, *кожанки* «названия рукавиц» (ср. **укр.** *накожні*, *накоржень* «кожаные рукавицы»); **укр.** *кажанок* «меховая или кожаная куртка; короткий кожух, тулуп», *кожанок* «т.ж.»; *кожушанка* «шуба из овечьей шкуры, покрытая сверху сукном; женская шуба, покроенная как свитка; короткий кожух, меховая куртка, вид шапки», *кажушка* «короткий кожух»; *кожанець* «ботинок из сплошного куска

кожи»; *коженець, дерев'янки, вербиї, личаки* «разновидности обуви»; *повстянки* «валянки»; *тернова хустка*; бел. *байўка* «жакет», *плісаўка* «т. ж.», *хутрянка* «женская одежда»; *ватовіна, ватоўка* «т. ж.»; *газіўка* «легкая косынка», *кісейка* «перкалёвый платок», *батіста(о)ўка, кашміроўка, канаплянка, тарыноўка* «названия платков, отражающие материал», *шарстянка, шарсцянка* «цветастый платок из шерсти фабричной выделки», *шарсянка* «вязаный платок», *ярачка* «шапка из овчины»; *дзеравянкі, дэрэв(л)яшкы; полотнянкі* «разновидности обуви» (ср. **укр.** *полотнянка* «верхняя полотняная одежда») и много других.

Анализ народной терминологии восточных славян свидетельствует о том, что месторасположение, нахождение предмета, строения, которое было непосредственно связано с практической деятельностью человека, учитывалось при создании терминов. Так, например, во всех трёх исследуемых группах наблюдается номинативная тенденция, направленная на отражение в названиях пространственной ориентации человека, в частности, по вертикали (известная оппозиция «верх – низ») и горизонтали:

арх-стр. – **рус.** *верх* «комната, потолок, чердак; комната, первоначально в верхнем этаже; чистая половина крестьянской избы», *вышка* «кровля, крыша, комната, чердак», *горница* «верхняя часть строения, жилое помещение в верхней части строения; часть передняя; часть столовая; (лучшая) комната в крестьянском доме»; *окно верховое, лобовое; боковик* «сарайчик, кухня, пристройка»; **укр.** *верх* «покрытие, кровля, чердак», *вишка(и)* «чердак», *наверхня* «корпус, коробка», *повірхник* «крыша над частью овчарни у гуцулов, где доят овец»; *горіще, горіща, горниця* «комната, чердак» (ср. *горниця* «поле, которое идёт под гору»); *гірниця, горішняк* «окно в старых избах бойков и гуцулов», *хата-лівачка / правачка*; бел. *ве(я)рхнік* «окно», *боковое окно, гара* «чердак»;

названия одежды – **рус.** *верхница, верх* «верхняя одежда; верхняя часть шапки, обуви, сделанные из другого материала», *верхницы, верхонки, верхи* «рукавицы», «наружная, лицевая сторона чего-либо (преимущественно одежды, имеющей подкладку, а также сам материал, поставленный на наружную сторону»; *исподницы, исподки* «рукавицы» *исподка* «вид одежды»; **укр.** *верхняк, -нка* «верхняя одежда, сюртук», *вершок* «женский головной убор», *поверх, поверхниця* «толстая суконная портянка, онуча; попона поверх седла», *поверхниця* «фартук», *подолок* «юбка», *запола* «подол», *ісподкі* «рукавицы»; бел. *верхнік* «вторая сорочка», *нісподниця* «нижняя сорочка», *нацельниця* «нижняя сорочка», *падштанікі, паддзівачка* «нижняя юбка», *падолак* «нижняя часть вышитой рубахи», *завушниця* «серьга», *іспот(д)ка* «рукавица», *верхник* «другая грязная рубаха»;

названия утвари – **укр.** *сподок* «блюдце», *наніз* «подвеска в улье для вошины», *наверхня* «футляр», *навершни(я)к* «покрышка маслёнки»; бел. *напол* «посуда для погребя», *донечко* «чайное блюдце» и др.

Значительное большинство названий, указывающих на месторасположение предмета, образовано префиксальным, суффиксальным или префиксально-суффиксальным способом от номена «основной реалии»:

арх-стр. - рус. *водверье* «косяк у двери», *подлабаз* «место, помещение под навесом», *подгорница*, *подпол*, *на(д)потолок*, *наизба,зазаборка* «спальня, крыльцо», *засенки*, *залавок*, *пре(д)печное окно* «окно напротив печи, на него ставят посуду», *половое*, *сенишное*, *чуланное*, *подокошечник*, *подокошечко*, *подокошко*; **укр.** *прихаток*, *припічок*, *запічок*, *опечка*, *опічок*, *одвірок*, *окомінок*, *острішка*, *піддашок*, *(велике) піддашиця*, *підмурок*, *задвірок*, *зак(о)ма(о)к*, *захата*, *застайок*; **бел.** *засень* «пристройка за сенями», *закамарок* «кладовка», *падшопа*; *падваконнік*, *падаконніца*, *падаконок*, *подаконка*;

названия одежды - рус. *ногавицы* «штаны», *подзатыльник* «головной убор», *нисподница* «нижняя юбка»; *нагрудник* «фартук», *животник* «безрукавка на вате»; **укр.** *підколінниця* «разновидность чулок», *підштанки* «нижнее белье»; **бел.** *нагруднік* «фартук», *нагавіцы / ганавіцы* «нижняя часть нижнего белья», *завушниця* «сережка»;

названия утвари - **укр., бел.** *налавнікі* «дерюга, рядно», *настільник*, *настольник*, *настолешник* «скатерть, полотенце», **укр.** *стільніця* «доска для нарезывания продуктов», **рус.** *подголовок*, *при(з)головок* «медный сосуд» и много других.

Таким образом, можно отметить, что в производном мотивированном названии как будто отражается «производность» самого предмета, т. е. производность не только как языковой факт, но одновременно фиксируется и указание на реалемную «вторичность», которую можно рассматривать как результат осознания сущности созданного рукотворно и «присвоение» его человеком в процессе поисков и установления связей между реалиями. Наличие указанной словообразовательной тенденции, в свою очередь, ярко отражает свойственную всем славянским языкам особую разновидность сложных имён существительных, образованных из сочетаний предлога с именем существительным; часто слияние префикса с основой сопровождается суффиксацией (в ряде случаев такого рода существительным соответствуют сложные прилагательные, образованные из тех же предлогов и именных основ: **бел.** *прадпечное*, *запечное*, *прицепечное*, *околопольное* «названия окон»; **укр.** *покутне*, *застільне*, *передпічне*, *запічне*, *припільне*, *запільне*, *на(д)пільне* «т.ж..»).

МП **форма реалии** не настолько ярко (как предыдущие) выражен в названии восточнославянской народной культуры, однако и он может моделировать, «продуцировать» терминологию соответствующих групп:

арх-стр. - рус. *кольчик* «маленький красивый уютный дом», *окольніца*, *околенка* «окно, рама»; **укр.** *окільня*, *окельня* «окно, оконница»; **бел.** *кругліца* «хлев для мелких животных; хозяйственное строение», *акельніца*, *акеліца* «оконница»;

названия одежды - рус. *коротай(-ка)*, *коротень*, *корот(а,ы)шка*, *коротуш*, *коротчик* «мужская верхняя одежда», *балахон* «неумело сшитая и длинная одежда», *куцын(а,я)* «мужская одежда»; **укр.** *куцак*, *куцавейка* «короткий пиджак»; **бел.** *коротыш* «куртка», *довганя* «разновидность

детской сорочки», *палавінчык* «треугольный платок», ср. **рус.** *полуплаток* (т. е. , в отличие от стандартного четырехугольного, половинный);

названия утвари - **рус.** *долгорук* «деревянный ковш с длинной ручкой», *долгошейник* «горшок с длинным горлом»; **укр.** *горлач* «посуда с узким горлом», *гладуш*, *гладушка*, *гладунець* «кувшин»; **бел.** *стаўбун* «посудина для молока с длинной шейкой», *горлач* «т. ж.», *журавэль* «деревянная посудина с длинной шейкой для водки и воды», *кубел* «круглая дежа для сала» и др.

Следует отметить, что некоторые из приведенных примеров могут быть квалифицированы как такие, в которых мотивирующим признаком является конструкция / способ изготовления (о чём см. выше). Иногда трудно определить, какой именно мотивационный признак является превалирующим в образовании термина (речь идет, например, о таких достаточно близких МП, как конструкция / способ изготовления и форма реалии: ведь они в определенной степени обуславливают друг друга). Но если материал, обусловленный мотивационным признаком форма реалии, может быть квалифицирован как названия с МП конструкция / способ изготовления, то сделать это наоборот (в большинстве случаев) практически невозможно (см., например, **укр.** *замет*, *живопліт* «разновидности оград», *підбитеняк* «верхняя женская одежда», *дирковниця* «дуршлаг», **бел.** *адлётак* «пристройка», **рус.** *мазанка* «строение для хранения зерна» и т. д.). Следовательно, и мотивационный признак форма реалии является одним из стимулирующих факторов развития терминологии народной культуры восточных славян.

Известно, что сознание человека, как и язык, не только отражает объективный мир, но и творит его, выполняя тем самым не только фиксирующую, «отзеркаливающую», констатирующую, аккумулирующую функцию, но и конституирующую, созидательную. В сознании человека в результате переосмысления окружающая действительность предстает в виде творчески переработанного мира образов, представлений, понятий, идей, установленных новых ассоциативных связей и отношений, что находит своё преломление в языке. Существенным в связи с этим становится вопрос о соотношении логики мышления на определённом этапе развития познавательной деятельности соответствующего человеческого коллектива со спецификой логической природы конкретного языка (Щерба, 207), ибо язык, аккумулируя, вбирая в себя и закрепляя в своей семантике достижения познавательной деятельности объективного мира, формирует свою логическую систему по более сложным законам, нежели законы познавательной деятельности человечества данного временного отрезка. В этой связи особый интерес представляет роль лексической аттракции, обусловленной полисемией лексем. Так, в частности, обработанный материал свидетельствует об универсальных деривационных потенциях соматических названий, что может быть объяснено действием общеизвестного принципа антропоморфизации, возникновение которого следует рассматривать как одну из закономер-

ностей развития древнего религиозно-мифологического мировосприятия. Новые семемы, появившиеся в результате метафоризации, утратив связь с первоначальным значением, со временем могут выделяться в отдельные лексемы, которые становятся омонимами исходного слова: например, метафоризованное переосмысление номенов человеческого тела обусловило появление многих терминов архитектурно-строительной сферы, названий одежды и обуви:

арх-стр. - рус. *чело, очелок, очёлк* «передняя часть русской печи, устье, чело печи», *очелье* «часть окна», *лобан, лобанок, лбище, лобовина, лобяк* «фронтон», *лобан* «верхний косяк оконной рамы, двери», «карниз», «полка над дверью для мелких вещей», *полулобок* «фронтон с лицевой стороны дома при трёхскатной крыше», *залоб, залобник, залобок* «бревенчатый фронтон крестьянского дома с двускатной крышей, имеющей вид треугольника», *глаз* «отверстие в жерновах», *причельник, наличник, обличка* «лиштва», *наличник* «оконница», *личинка, наличина, налички* «карниз, планка над окном, к которой крепятся занавески», *ладошка, ладонь* «подоконник», *ладошка* «открытый без навеса ток», *надбровка* «деревянный карниз над окном; украшение над окном»; возможно, что и *рямено /рамина/* «оконница» является результатом ассоциации с *рамена* «плечи»; **укр.** (полесское), **бел.** *спіна, хребет* «верх, гребень кровли, крыши», *галовка, головка, наголовень* «верхняя часть окна, верхний горизонтальный брусок в раме», *чола, причілок, причолок, причівок* «торцевая стенка, боковая стена крыши; боковая стенка сундука; фронтон», *причілок* «щит у более узкой стены дома», *прочіл, чола, прочолок* «передняя часть дома», *причельник* «открытое крыльцо», *налішники* (полтавское), *главарь* «верхний косяк дверей и окон», *вушак, ушак* «пазовый столб в рубленной избе», «боковой брус»; **бел.** *вушак* «брус оконный и дверной», *чуб* «конструкция кровли (архаического вида)», *лоб, лабок, чело* «фронтон», *лабавік* «фасадный склон кровли», *главень* «т. ж.»;

названия одежды и обуви - рус. *ступни* «обувь», *долонька* «рукавица», *очелье* «головной убор»; **бел.** *галава* «т. ж.»; **укр.** *личко* «верх сапог», *рило, рильце* « шейка бутылки»; (бойковское) *плічата, опліча, опліччя* «сорочка», *пальчатки* «рукавицы», *пальок* «часть рукавицы, предназначенная для одного пальца» и много других. Среди номенов, вышедших из активного употребления, зафиксированы описательные названия, в состав которых вошли имена прилагательные, образованные от обозначений частей человеческого тела (рус. *лобовое окно, брюшинное, шейное*; **укр.** *причілкове вікно* и др).

Как правило, новые понятия могут закрепляться в знании общества и становиться достоянием познавательной деятельности определённого человеческого коллектива только тогда, когда они вытекают из уже известного, а, соответственно новые значения и их форма выражения в системе языка обязаны включаться в уже существующие закономерности её организации. Изучение и освоение новой реалии, её признаков

связано с соотнесением уже познанного, установленного, названного. Так, например, стремлением языкового коллектива найти или установить новые мотивационные связи между денотатом и его названием можно объяснить обнаруженные в нашем материале интересные переосмысления, среди которых: **рус. гребень, укр. гребінь** – **укр. гребень** «верх соломенной крыши; место соединения склонов крыши»; **гребінь** «инструмент для расчёсывания; верхняя грань чего-нибудь; нарост на голове у некоторых птиц; вид орнамента на пасхальном яйце», [**гребінниця**] «грубое полотно», **грибінка** «хребет крыши», ср. **погребниця** «надстройка над погребом», **погребник, погребняк** «передняя часть погреба, подвала»; **рус., бел. конёк, укр. коник** – **рус. конё(и)к** «самая высокая часть крыши, продольный брус (иногда в виде жёлоба) на гребне крыши; двухскатная крыша; крыша над сенями; фронтон дома (ср. **рус. князёк** «верхнее продольное бревно, к которому прикрепляются верхние концы досок крыши; верх, гребень двухскатной крыши» – возникновение данного номена, возможно, обусловлено переосмыслением роли, значимости данной реалии в строительном деле относительно статуса князя – человека, обладающего силой, властью и выполняющего определённую /аналогичную!/ роль); угол; часть избы; лавочка от двери до переднего угла (бывает в форме ящика); задняя лавка в избе», **укр. коник** «подставка в нижней части крыши; подставка в гончарном кругу; часть ткацкого верстака»; **бел. канёк** «верхняя часть крыши; украшение на крыше», ср. пол. **konik** «движущаяся часть любого приспособления», чеш. **koník** «т. ж.» (результат перенесения названия **коник** «небольшой конь», обусловленное внешней схожестью соответствующих реалий); **укр. коничек** «шкаф для посуды, пристроенный к стене»; **рус. [кон(н)ик]** «широкая скамья возле двери в виде сундука, используемого как место для сна, хранения посуды и продуктов; скамья под иконами; место, куда ставят иконы; шкафчик под скамьёй для посуды и продуктов», [**кон(н)ичек**] «широкая скамья возле дверей в виде сундука» (результат видоизменения слова [**иконник**] «полочка для икон; скамья, идущая от переднего угла хаты», производного от **икона**); **рус., бел. козлы, укр. козли** характеризуются общей семантикой в трёх восточнославянских языках (частично отражённой в других славянских) – «устой для поддержки скатов крыши»; «сидение для кучера; подставки из колод и досок; подставка для пиления дров», **рус.** «основы опоры мостов; подставка; колоды, поставленные в пирамиду; два воткнутые в землю кола, соединённые и связанные сверху»; **бел. каза** «двухметровая мера в форме циркуля, сажень»; устар. «заплечные носилки», **укр. [козлики, ко(і)злини, кізлиння, кузьла, козелци]** «крюки, соединённые под углом и положенные на гребень здания для укрепления крыши от ветра», [**кізли**] «стропила», [**кізлини**] «подставки, на которых лежит конец вала; колки, забитые в бока этих подставок, чтобы по ним можно было лазить», [**коза**] «крючок с двумя суками для поддержки телеги во время смазки; разновидность лодки на Кубани», [**кози**] «примитивный ткацкий станок», [**козка**] «примитив-

ный плуг», [*козел*] «столб или подставка для горна гончарной печи; сидение для кучера»; **рус.** *крылина*, *однокрылок* «односкатная крыша, покрывающая часть двора позади избы», *крылечник* «боковая комната или пристройка к богатой избе», *крыле(ё)чушко* «крылечко», *крыльцо* «крыльцо», *закрылок* «пространство между ригой и гумном», *закрыльна* «двускатный навес во дворе между домом, забором и хозяйственными пристройками» (ср. укр. *крилатка* «верхняя мужская одежда», см. ещё *розкрилитися* «расстегнуться»). К такого же рода примерам относятся: **рус.** *подошва* «фундамент постройки», *беседа* «скамья», *нёба* «свод в печке», *боров* «печь», *плечо* «часть печи», *журавль* «приспособление для извлечения воды из колодца», *подзатыльник* «головной убор»; **укр.** *поясок* «карниз на дымоходе», тюркизм *башка* «постройка над погребом для хранения домашней утвари, летняя кухня» и др.

Эмоционально-экспрессивная оценка реалий достаточно ярко выражена в восточнославянских языках с помощью различных языковых средств:

1) **описательно** – в частности, «жилище больших размеров» обозначается в украинском языке *велика / розкішна / гарна хата*, ср. «жилище небольших размеров» – *мала / маленька хата*; «старый жилой дом» – *убога / сиротинська / старосвітська / курна* (адъективы указывают на бедность, социальный статус хозяина, способ освещения и т. д.);

2) **суффиксально** – **укр.** *хатишче*, *хатно*, *хатисько* «жилище больших размеров»; *хатка*, *хатина*, *хатинка*, *хатонька*, *хатиночка*, *хатинонька* «жилище малых размеров»; *домок* «хата на две половины с хатыной зажиточных козаков и крестьян»; *варінча* «небольшой горшок, достаточный для двух человек», *варійник*, *варінник* «разновидность горшочка», *дим'янка* «курная изба»;

3) **использование специальных слов**, чаще заимствованных, иногда с неясной этимологией, но, видимо, их фонетический облик (план выражения) вызывал у носителей языка определённые эмоции и ассоциации: **укр.** *буждигарня* «старый разваливающийся дом; пустая необустроенная комната», *бурдигарня* «пустая бедная старая хата», *буздигарня* «будка, небольшое строение, круглая беседка»; *бурдей(ка)* «землянка, курная изба, цыганская палатка; летняя кухня», *бурдель* «нищенская хатёнка», *бурдйика* «хата без чердака с плоской земляной крышей» (связанные с фр. *bordel*); *кужделеба* «старая хата, старый шалаш», *кужба* «помещение для пастухов и молочных продуктов», «крючок в триноге, на котором подвешивают котелок» (перенос с части на целое); *куява* «плохой старый шалаш, хибарка, халупа, старый жилой дом», «жилище малых размеров» (ср. *куя*, *куяга* «угрюмый человек», **рус.** *куява* «неопрятный, растрёпа, разгильдяй, грязнуха, косматый», **бел.** *куя* «злая женщина»), *кешта* «избёнка» (пренебрежительно; **бел.** *гамарня* «чрезмерно большое помещение; большой, неудобный, неупорядоченный дом» (ср. **укр.** *гамарня* «металлоплавильная мастерская», заимствованное из нем. через польское посредничество);

4) **аффективные образования** (иногда на основе контаминации и/или метатезы): **укр.** *бухня* – *буда+кухня* «жилище их плохого материала с незаконченной крышей», «старая, сгнившая и разваливающаяся изба»; *куфня* «приспособление для освещения сеней лучиной» (возможна связь с *кухня*); *куцбайка* «род женской кофты или жакета из байки, считая с лифом, корсажем» (очевидно, результат видоизменения слова *кацабайка* под влиянием *куций* «короткий, недостаточный», откуда и *куцан* «короткая одежда, куртка, кофта»; *куцик*, *куцина* «короткая верхняя одежда»); **рус.** *гниловка*, *гнилянка* «глинобитная печь»; **бел.** *гаргара* «громоздкая бесформенная вещь, огромный предмет, дом», ср. **укр.** *гаргара* «большая, плохо оборудованная комната»; **рус.** *развалю(х)га* «ветхое помещение», *развальня* «очень старая вещь»; *лачуга*, *лачужка*, *хибарка* «небольшая, убогая избёнка», *хилушка* «ветхая, построенная из хлама избёнка», *хламина* «громадное непропорциональное здание», *халудора* «т.ж.», *лобозина* «самое невзрачное по наружности здание»; *ветродумка* «короткая кофточка из ситца или коленкора»; *висляк* «женская кофта», *веюшки*, *висьли* «ленты сзади на головном уборе»; **укр.** *примітивка* «временное жильё типа палатки, шалаша», *задушняк* «чердак», *хурдник* «помещение для больных овец, отдельное от всех», *скарбівка* (иронично) «лачуга, хижина», *халабуда* «хибара, лачуга» и др.

5) **транспозиция** - **укр.**, **бел.** *свін(н)ушок*, *свіннушнік* «грязная изба»; **укр.** *бігун* «вертящийся брусок двери», *баравичок* «дымоход», *кожиця* «кожаный фартук», *кralя(i)* «большая красивая изба» (ср. **бел.** *кralі* «кораллы, ожерелье, бусы», **рус.** *кralи*, *корольки* «т.ж.», а также «красотка, дама; видная, красивая женщина; красиво убранная женщина; королева»); **рус.** *матка*, *маточка*, *матица* «основная несущая балка перекрытия; дерево, на котором держится потолок» (ср. также *матница*, *матина* и аналогичные слова в других славянских языках; их семантизация в большинстве случаев как «главная часть, средняя часть, середина, основной, центральный, средний, стержневой» и т.п. позволяет предположить достаточно раннее развитие у анализируемого слова вторичного значения и соотнести его возникновение с периодом матриархата), *канурка* «тесное жильё», *безумница* «платье с рукавами вроде сарафана» и т.д.

На современном этапе развития лингвистики значительны и несомненны достижения учёных в объяснении словообразовательной структуры слова, способов и моделей деривации, отношений мотивированности, производности и т. д. Сбывается научное предвидение Л. В. Щербы о переходе дериватологии как науки, занимающейся изучением готовых слов, к науке, отвечающей на вопрос, как делаются слова. И хотя образование новых слов некоторыми исследователями нередко сводится к суммированию морфем согласно известным моделям (вернее, к суммированию основ и словообразовательных аффиксов) – это всё же творческий процесс, процесс созидания, а не чистой субституции; ведь недаром словообразование было названо «учением о частях слов как о знаках частичных идей» (Винокур, 312).

Достаточно часто осмысление путей, по которым осуществлялись номинативные процессы, невозможно без привлечения этимологического анализа для выявления глубинных значений слов, послуживших основой построения тематических групп и семантических полей, а также определения взаимоотношений komponующих их номенов.

Так, в частности, **рус.** *вар*, *варок*, *варушка* означает «скотный двор, хлев; огороженное место для скота за домом; помещение для овец; загородка на базу», **оварок** «загороженное место в лесу», *ворэк*, *варок* «хлев», *варажня* «шалаш, крытый ветками хвойных деревьев». Семантика указанных слов становится понятной лишь после привлечения материала не только близкородственных языков (ср. **укр.** *варевня* «кладовка, хранилище для овощей с пологим спуском, ступеньками»; «кладовая, амбар для картофеля и капусты», **бел.** *варивня*, *варуня*, *варымня* «место для складирования овощей», *варыўня* «хозяйственный погреб», хотя, однако, они, как и [*вареха*, *варешка*, *варешница*, *варишка*] «половник», [*вари(й)йка*, *варів(й)ник*, *варінник*] «горшок», [*варінча*] «небольшой горшок» и многочисленные близкородственные в украинском и их соответствия в других славянских языках (см. ЕСУМ, I, 332) могли, в условиях звуковой близости слов и переосмысления, в свою очередь, послужить для закрепления в соответствующих языках изначально указанных номенов), но и фактов из других языковых семей. Ещё в памятниках украинского языка XVIII в., а позже и этнографических сборниках обнаружены заимствованные из венгерского языка *варош* «город», *варошани* «мещане», *вароський* «городской» (ср. пол. *warosz* «небольшая крепость», слц. *varolъ* «город», болг. *варош* «центр города, старая укрепленная часть города», схв. *варош* «город»). Полагают, что венгерское *város* является производным от *vár* «крепость», сводимое к д.-перс. и с.-перс. *vár* «стена, строение», д.-перс. *vára* «укрепление; защита» (д.-инд. *vāra-* «т. ж.»), связанных с д.-перс. *var-* «закрывать; об(в)ёртывать, об(в)орачивать», в свою очередь, родственным с д.-инд. *vṛṣoti* «об(в)орачиваю, охватываю», псл. **verti* «запирать», **укр.** *vir* «жердь в ограде». **Укр.** *vir* «ограда из жердей, частокол», *virлине* «колья», *vir'я* «жерди, колья, частокол», *ворака* «жердь для ограды», *ворина* «т. ж.; кол в частоколе», *вориння* «колья; частокол», *вор'я* «жерди; ограда из жердей», *ворьяка* «т. ж.», *ворянок* «загородка; загон для животных», *заворати* «загородить», *завірки* «частокол», *завора* «кол, которым запирают ворота», *заворіння* «ворота», *заворити* «загородить», *обворити* «загородить жердями», *обворячить* «обнести оградой из жердей» (ср. **рус.** *вор* «частокол», *воры* «колья, палки», **бел.** *вор* «хлев»; д.-рус. *воръ* «ограда; огороженное место», стсл. *вьрѣж*, *врѣти* «закрывать, запирать», псл. **vor-* / *ver-* «запирать; закрывать», родственное с *веря*, лит. *vāras* «блок частокола», *apivaras* «ограда для животных», гот. *warjan* «защищаться, обороняться», д.-исл. *verja* «т. ж.», д.-англ. *werian* «возводить греблю», д.-фриз. *wera* «перечить; запрещать», д.-н.-нем. *werian*, д.-в.-нем. *werren*, *werren*, н.-в.-нем. *wehren* «т. ж.», д.-исл. *vqr* «ограда», англ. *weir* «гребля,

дамба», и.е. **der-* «запирать, оборонять, защищать, закрывать». Идея защиты, реализованная человеком в виде различного рода строительных сооружений, заграждений и, соответственно, нашедшая фиксацию в архитектурно-строительной терминологии, обнаруживается и в названиях одежды, отражающих существующие рукотворные реалии. Так, псл. **verta*, **verto*, очевидно, связано с псл. **verti* «засовывать; прятать», родственным с лит. *vĩrtinė* «вязка», *vĩrti* «открывать; закрывать», греч. ἄορτή «аорта» (вследствие дальнейших семантических изменений стало обозначать только специальное полотно для мешков) и отмеченным выше и.е. **der-* «запирать, оборонять, защищать, закрывать». В свою очередь, вышеуказанные праславянские формы лежат в основе укр. *верета* «дерюга; разноцветный шерстяной ковёр», *верет* «ковёр ручной работы», *веретена* «нити для дерюги»; *веренище* «дерюжище», *вереня*, *вере(i)нка*, *веренька* «небольшая дерюга», *веретище* «бедная одежда, лахмотья», *верето* «вид волока», *вереття* «грубая ткань, дерюга, лохмотья», *веретянка*, *верентюх*, *веренчук* «одежда из грубой ткани», *веринянка* «женский фартук»; рус. *веретье*, *верета* «мешок, корзина», ср. с.-чеш. *vr̥ese*, слц. *vrese*, болг. *вретище* «мешок», мак. *врека*, схв. *vreĥa*, слн. *vřijua*, стсл. *vr̥itiще* (см. подробнее ЕСУМ, I, 333, 354–355, 401–402).

Рассмотрение функционирования языка в контексте общественной практики, материальной и духовной деятельности человека свидетельствует о необходимости, с одной стороны, изучения факторов, способствующих возникновению определенных номинативных тенденций, моделирующих терминосистемы, а с другой, предопределяющих дальнейшее потенциальное развитие лексической подсистемы конкретного языка. Известно, что основной причиной, вызывающей знакообразование, является потребность и стремление социума закрепить и передать в номене определенную информацию будущим поколениям. Уровень словообразования вместе с уровнями лексики и фразеологии принадлежит к той сфере языковой структуры, в которой активнее и непосредственнее всего осуществляется процесс непрерывного развития языка. Деривация теснее, нежели другие области грамматики связана с лексикой, но неотделима от морфологии. Каждое слово укрепляет позиции какого-нибудь словообразовательного приёма среди активных словообразовательных способов данного языка, незаметно изменяя с помощью этого общую систему словообразования в языке.

Далеко не полный обзор собранного материала свидетельствует о том, что формирование нескольких основных, жизненно важных терминологических систем народной культуры русских, украинцев, белорусов, происходило под влиянием различных, но в целом общих для этого континуума факторов. Типологические совпадения / соответствия в области мотивированной лексики в определенной мере могут быть еще одним подтверждением давних исторических связей русских, украинцев, белорусов. Кроме того, даже беглый анализ этого богатого по своей информативности материала, в котором сконденсировано и закодировано

опыт разных этносов, способствует воссозданию диалектически развивающейся, «живой деривационной картины», как фрагмента «языковой картины мира», которая реализуется русским, украинским и белорусским языками в соответствии с их спецификой и дает основания для определенных выводов относительно мировидения и менталитета восточных славян.

ЛИТЕРАТУРА:

- Атлас української мови. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. Т. 2. Київ 1988.
- БЛЕЦЬКИЙ-НОСЕНКО, П.П. Словник української мови. Київ 1966.
- БЛАНАР, В. О. О внутренне обусловленных семантических изменениях. *Вопросы языкознания*, 1971, №1, с. 3–13.
- БЛИНОВА, О. И. Явление мотивации слов (лексикологический аспект). Томск 1984.
- БЛОМКВИСТ, Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. – Восточнославянский сборник. Очерки материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – н. XX вв. Москва 1956.
- БАКАЛЮК, Я. Ю. Лексико-семантична характеристика назв одягу в говірках Прикарпаття. *Проблеми української діалектології на сучасному етапі*. Житомир 1990.
- ВЕРХРАТСЬКИЙ, І. Знадоби до словаря южноруського. 1. Львів 1877.
- ВИНОКУР, Г. О. О задачах истории языка В.А.Звегинцев. *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. Ч. II. Москва: Просвещение, 1965.
- ГОРБАЧ, О. Південнолемківська говірка й діалектний словник с. Красний Брід. В. 2. Мюнхен 1973.
- ГУРКОВ, В. С. Развитие сельских поселений и усадеб Белоруссии второй половины XIX–XX вв. КД. Минск 1975.
- Гуцульщина. Историко-этнографічне дослідження. Київ 1987.
- ДАЛЬ, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва 1977–1980.
- IX Международный съезд славистов: Славянское языкознание. Резюме докладов и письменных сообщений. Москва: Наука, 1983.
- ДЗЕНДЗЕЛІВСЬКИЙ, Й. О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР. Лексика. В 2 ч. Ужгород 1958.
- Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск 1963.
- Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск 1989.
- Етимологічний словник української мови. Під заг. ред. О.С. Мельничука. Т. 1–3. Київ 1982–1989.
- ЖЕЛЕХІВСЬКИЙ, Є., НЕДІЛЬСЬКИЙ, С. Малорусько-німецький словар. Т. 1–2. Львов 1886. З народнаго слоўніка. Мінск 1975.
- Историческая типология славянских языков. Фонетика, словообразование, лексика и фразеология. Под ред. А. С. Мельничука. Киев: Наукова думка, 1986.
- Історія української мови. Лексика і фразеологія. Київ 1983.
- Картотека словника української мови (Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні Національної Академії наук України). Київ.
- КАСЬПЯРОВІЧ, М. І. Віцебські краєвы слоўнік. Віцебск 1927.
- КОРЗОНЮК, М. М. Матеріали до словника західноволинських говірок. *Українська діалектна лексика*. Київ 1987.
- КУБРЯКОВА, Е. С. Семантика производного слова. *Аспекты семантических исследований*. Москва 1980.
- ЛИСЕНКО, П. С. Словник поліських говорів. Київ 1974.
- ЛИСЕНКО, П. С. Словник діалектної лексики Середнього і Східного Полісся. Київ. 1961.

- МАКОВЕЦКИЙ, И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. Москва 1962.
- Матеріали до словника буковинських говірок. В 5. Чернівці 1978.
- Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мінск 1981.
- Матэрыялы для слоўніка народнай дыялектнай мовы. Мінск 1960.
- МОГОТЫЧ, И. В. Народные традиции в высокогорном строительстве Гуцульщины и их место в этнической истории украинских Карпат. КД. Львов 1979.
- Народна архітектура українських Карпат ХУ – ХХ ст. Київ 1987.
- НАУЛКО, В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев. 1975.
- НИКОНЧУК, М. В., НИКОНЧУК, О. М. Будівельна лексика правобережного Полісся в лексико-семантичній системі східнослов'янських мов. Житомир 1990.
- Общекарпатский диалектологический атлас. Кишинёв 1989.
- ОНИШКЕВИЧ, М. Й. Словник бойківських говірок. В 2 ч. Київ 1984.
- Полесье. Материальная культура. Киев 1988.
- ПОЛЯНСКАЯ, Э. В. Украинская народная одежда Закарпатья (этнические взаимосвязи и локальные особенности). Киев 1977.
- ПОТЕБНЯ, А. А. Мысль и язык. Киев 1993.
- Проблеми української діалектології на сучасному етапі. *Тези доповідей і повідомлень ХУІ республіканської діалектологічної наради*. Житомир 1990.
- Русская грамматика. Под ред. Н.Ю.Шведовой, В.В.Лопатина. 2-е изд., испр. Москва 1990.
- СЕРЕБРЕННИКОВ, Б. А: О материалистическом подходе к явлениям языка. Москва 1983.
- Словарь русских народных говоров. Москва : Ленинград. 1965. В. 1. 1969. В. 4. 1970. В. 6. 1972.
- Словарь української мови. В 4 т. За ред. Б. Д. Грінченка. Київ 1958 – Т. 1. 1959 – Т. 3.
- Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе паграніччя в пяці тамах. Мінск 1979 – 1986.
- Сопоставительное изучение словообразования языков. Москва 1987.
- СЦЯШКОВИЧ, Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.
- ТИМЧЕНКО, Є.К. Историчний словник українського языка. Т. 1 (А-Ж). Київ 1930–1932.
- Тураўскі слоўнік. Мінск 1982 – Т. 2. 1985 – Т. 4. 1986 – Т. 5.
- Философский энциклопедический словарь. Москва 1983.
- ЧЕРНЫХ, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. 2-е изд., стереот. Москва 1994.
- ЩЕРБА, Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.І. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1958.
- Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. Отв. ред. чл-кор. АН СССР К. В. Чистов. Москва 1987.
- ЯНКОВА, Т. С. Дыялектны слоўнік Лаёўшчыны. Мінск 1982.
- ЯНКОЎСКИ, Ф. М. Дыялектны слоўнік. Мінск 1959.
- Ярославский областной словарь. Ярославль 1987.

